

Н.А. Александров

**Калмыки. Степи. Где на Руси
какой народ живёт и чем
промышляет. Чтение для
народа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.А. Александров**
Калмыки. Степи. Где на Руси какой народ живёт и чем промышляет. Чтение
для народа / Н.А. Александров – М.: Книга по Требованию, 2023. – 61 с.

ISBN 978-5-458-55132-8

Адаптированный для малообразованного читателя очерк жизни и быта
калмыков.

ISBN 978-5-458-55132-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

сдѣлавшись ханомъ, то есть единовластителемъ всего народа, хотя и подтвердилъ присягу своихъ предмѣстниковъ въ вѣрности русскому царю, и подтвердилъ также, какъ и его предшественники, облизывая и прикладывая свой ножъ къ горлу, и призывая при этомъ за нарушение клятвы гнѣвъ небесъ и огненный мечъ,—тѣмъ не менѣе, послѣ его смерти, начались смуты изъ-за наслѣдія ханскимъ титуломъ, продолжались также клятвенарушенія, пока не разнесся слухъ о намѣреніи русскаго правительства принудить непокойныхъ кочующихъ калмыковъ къ осѣдлой жизни. Тутъ снова калмыки предприняли общее бѣгство или перекочеваніе, и большая часть ихъ, въ число 80,000 кибитокъ, бѣжала опять-таки на старое свое китайское пепелище въ Зунгарію и въ Монголію, а остальные, въ количествѣ 13,000, за отдаленностью ихъ кочевья на правомъ берегу Волги, не успѣли переправиться на лѣвый и остались въ Россіи. Съ этими-же оставшимися, чтобы прекратить навсегда ихъ смуты и безшабашное бродяжничество а акже и грабежи, русское правительство поступило такимъ образомъ: оно уничтожило титулъ хана вмѣстѣ съ ханскимъ единовла-

стиемъ, ограничило кочеваніе извѣстными предѣлами, раздѣливъ степь между отдѣльными властями или *найонами* на семь *улусовъ* (нѣчто въ родѣ уѣзда, или стана), подчинило найонамъ *зайсанговъ* (нѣчто въ родѣ старшинъ), которые завѣдывали родами или близко родственными между собою семьями, и наконецъ надъ всѣмъ калмыцкимъ народомъ назначило отъ государства попечителя, на обязанности котораго и возложено было все благоустройство и все попеченіе о народѣ.

Такое управленіе существуетъ и по днесь, но осѣдлость не прививается къ калмыкамъ, и они кочуютъ по всей бесплодной калмыцкой степи, бѣднѣя и переводясь численностью годъ отъ года. Только на сѣверной части этой степи, на возвышенностяхъ, которыя называются *эргени* (отъ калмыцкаго слова *эрга*—возвышеніе), начинаетъ появляться мало по малу нѣкоторое благоустройство. Эргени, — это не больше какъ спуски съ Донской равнины въ низменную калмыцкую степь. Эргени состоятъ изъ небольшихъ возвышеній главнаго хребта, разбрасывающаго къ востоку и западу отроги, между которыми глубоко зале-

гають балки и овраги, богатые родниковыми водами. Воды эти наполняют котловины, образуя кое-гдѣ озера, а также и рѣчки, впадающія въ Донъ. Но самая обширная низменная часть калмыцкой степи песчана, неприглядна и пустынна. Тутъ бѣдные калмыки живутъ далеко уже не такъ, какъ жилось имъ въ старину, когда они не были ограничены пространствомъ кочевья, когда ихъ кочевья заходили и въ Саратовскую, и даже въ Пермскую и Оренбургскую губерніи, и когда они пользовались на такомъ громадномъ пространствѣ и тучными пастбищами, и хорошей прѣсной водой рѣкъ и озеръ. Тутъ, на низменной калмыцкой степи, передъ ними красножелтая или бѣлесоватая глина, сыпучій песокъ да соленыя озера, или солончаки и грязныя соленыя болота. И, куда ни глянь, нѣтъ ни конца, ни краю этимъ красножелтымъ степямъ, этимъ безконечнымъ пескамъ, въ которыхъ вязнетъ по колѣно нога и которые курятся по курганамъ при вѣтрѣ, слѣпя глаза, забиваясь въ уши, въ носъ, такъ что зачастую и дышать трудно, а затихнетъ вѣтеръ, и снова палитъ знойное небо вверху и

Таже красножелтая, безотрадная, степь внизу. Кое-гдѣ серебрится горькая полынь пучками, кое-гдѣ торчатъ вызженные стебли былиннокъ, и нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго слоя такъ называемой растительной земли: едва пристанетъ или прикрѣпится кое-какъ полынь и какая иная солончаковая трава, какъ вызженная солнцемъ почва разрыхлится и все обратится въ пыль, и все исчезнетъ вмѣстѣ съ курящимися песчаными курганами, которые переносятся вѣтромъ съ мѣста на мѣсто. И ничто не разнообразитъ этого мрачнаго унынія калмыцкой степи; только безчисленныя сѣрыя, какъ и сама земля, ящерицы шмыгаютъ подъ ногами, а иногда сѣрый коршунъ провожаетъ васъ недовольнымъ своимъ клекотомъ, сидя на какомъ-либо курганѣ, высоко-же высоко подъ палящими лучами солнца повисли въ безоблачномъ небѣ черными точками неподвижные степные орлы. Попадется же озеро,—и тутъ не радость: ни освѣжиться, ни напиться нельзя,—одна соль, а кругомъ озера стали по берегу непролазной щетиной камышъ и чекаль; и для калмыка остается одно утѣшеніе,—это вырытыя иску-

ственно ямы, такъ называемыя *худуки-копани*, куда скопляется почвенная вода. Въ этихъ *худукахъ* гложнетъ обыкновенно густой массой стоячая, вонючая вода, но калмыки и этимъ довольны, точно также какъ осенью и грязными застоявшимися лужами; калмыкъ и его скоть и тутъ съ наслажденіемъ утоляютъ свою жажду,—и съ лужи напьются. Эти худуки устраиваются большею частью группами на разстояніи пятнадцати, двадцати, а а иногда и болѣе, верстъ одинъ отъ другаго; и калмыки, отпраздновавъ весной свой *блгый мѣсяцъ* (*цаганъ-саръ*), складываютъ обыкновенно, послѣ праздника, свои войлочные кибитки и разную *хурду-мурду* (домашній скарбъ) на лошадей, быковъ, верблюдовъ и перекочевываютъ отъ худука къ худуку. Вытравить калмыкъ вокругъ одного худука скудное окружающее пастбище переходитъ къ другому, а вытравить тамъ, и снова двигается далѣе; и такъ тянуть кочевники по степи до осени, пока не доберутся до зимняго кочевья, гдѣ снова находятъ кормъ на мѣстахъ, потравленныхъ весной. Иногда однако бываетъ, что и на зимовкѣ нѣтъ корма, который къмъ

либо уже заранѣе вытравленъ; и тогда, чтобы сохранить скотъ отъ голода и чтобы перекочевать и найти новое мѣсто, приходится частью скота пожертвовать, то есть перерѣзать его, или же бросить степь и уходить въ «*Мочаги*». А въ *мочагахъ* этихъ, которые занимаютъ чуть не треть всей калмыцкой степи, спасается зимой большая часть небогатыхъ калмыковъ, такъ какъ въ мочалахъ есть и земля, и вода, и высокій густой камышъ, укрывающій калмыковъ и ихъ скотъ отъ зимнихъ бурь, снѣжныхъ мятелей и стужи. «*Мочагами*» называется вся обширная мѣстность, окружающая устье Волги, и русскіе говорятъ, что она называется такъ отъ слова *мочажина*, такъ какъ мѣсто это сырое, заливаемое водою, а калмыки производятъ его отъ калмыцкаго слова *моцахъ*, что означаетъ *постъ*, такъ какъ обѣднѣвшіе или лишившіеся скота калмыки находятъ себѣ пріютъ только въ мочагахъ, гдѣ и кормятся только рыбой. Въ степи-же остаются зимовать по преимуществу богатые калмыки, владѣющіе большими стадами, а для подножнаго корма этихъ стадъ требуются и большія пространства. Но и богатые на

этой степи зачастую въ одинъ день дѣлаются совершенно нищими, и также уходятъ въ мочаги. Налетитъ *шурганъ*, или снѣжная буря съ мятелью, которая на Уралѣ называется *буранъ*, а въ Сибири *пурга*, и тутъ уже она, незадерживаемая ни горами, ни лѣсомъ, свирѣпствуетъ совершенно свободно по широкой, ровной степи. Тутъ она бываетъ такъ стремительна и гонитъ съ такой силой по снѣжной глади даже крупный рогатый скотъ и табуны лошадей, что несчастные животные бѣгутъ до изнеможенія, пока не падаютъ замертво. Говорятъ, что бывали случаи, когда скотоводъ, насчитывавшій у себя въ стадахъ десятки тысячъ головъ, становился на другой день, послѣ налетѣвшаго жестокаго шургана, совершенно нищимъ. Одному изъ русскихъ путешественниковъ показывали въ г. Енотаевскѣ калмыка, еще недавно бывшаго богачемъ. Теперь онъ живетъ милостыней, потерявъ въ одну ночь около двухъ тысячъ головъ скота. Все уничтожилъ неожиданно налетѣвшій шурганъ, въ которомъ между прочимъ погибли его жена и трое дѣтей. Но, кромѣ шургана, есть въ степи и еще бичъ, когда выпадетъ

глубокій снѣгъ и случится гололедица. Тутъ скотъ, не имѣя возможности пробить копытами ледяную кору, остается безъ корма, и точно также гибнетъ цѣлыми стадами. Но и этого мало; и зачастую въ калмыцкой степи по цѣлымъ недѣлямъ крутить только мятелица; и тутъ испуганные лошади разбѣгаются въ разные стороны. Въ этомъ случаѣ ничего съ ними не подѣлаешь, и табунщикъ-калмыкъ ищетъ потомъ табунъ иной разъ нѣсколько сутокъ. Мятель замететъ слѣды лошадей, и какъ тутъ разыскать ихъ?.. Табунщикъ кидается на земь, разгребаетъ снѣгъ руками тулупа, роется руками въ разныхъ мѣстахъ, и, пробившись иногда нѣсколько часовъ, находитъ наконецъ конскіе слѣды. Обрадованный этимъ открытіемъ, онъ ѣдетъ въ ту сторону, но вдругъ слѣдъ снова пропадаетъ. Приходится опять слѣзть съ лошади и отыскивать слѣдъ тѣмъ-же порядкомъ. Такимъ образомъ калмыкъ скитается иногда по степи нѣсколько сутокъ безъ хлѣба, почти безъ сна и часто безъ отдыха. Счастливъ онъ еще, если по дорогѣ наткнется на чужой *хотонъ* (кочевье), гдѣ всегда радушно примутъ гостя.

Онъ заѣдетъ въ него, утолить голодь, отогрѣтся и отдохнетъ. Если же онъ заѣдетъ въ такую мѣстность, гдѣ нѣтъ по близости кочевья, то иногда такъ оголодаетъ, что, найдя табунъ, отрѣжетъ голову первому встрѣчному жеребенку или кобылицѣ, и, срубивъ часть шеи, сосетъ жиръ, остальное же все бросаетъ, потому что ни въ чемъ нельзя ни сварить, ни спечь, а съ собою везти неудобно.

Въ суровую зиму 1798 г. погибло у калмыковъ до полумилліона головъ, а въ тридцатыхъ годахъ они потеряли на половину своихъ стадъ, и рѣдкая зима на калмыцкой степи проходитъ безъ серьезныхъ послѣдствій.

Обѣднѣшіе калмыки нанимаются въ мочагахъ на разныя тяжелыя работы, и по своей выносливости, по своему упорному труду на соляныхъ копяхъ и на рыболовныхъ промыслахъ считаются незамѣнимыми работниками.

Обширное рыболовство и разработка соли въ астраханскомъ краѣ требуютъ громадное количество рукъ, калмыки-же тутъ являются главною рабочею силою.

На устьяхъ Волги нѣтъ ни одной рыболовной ватаги и ни одной даже лодки или морскаго рыболовнаго судна, гдѣ-бы ни находились рабочіе калмыки. Ихъ берутъ охотно всѣ рыбопромышленники, и трудно представить себѣ до какой степени терпѣливъ и неутомимъ въ работѣ калмыкъ. Для него несоставляетъ особеннаго труда работать во время нестерпимаго зноя, или, находясь постоянно во время холода по поясъ въ водѣ; онъ довольствуется также при такой работѣ и всякаго рода пищею, какую заблагоразсудится дать хозяину.

При выломкѣ соли калмыкамъ поручается тоже самая черная и самая тяжелая работа. Они должны, напримѣръ, разбить соляной пластъ (осадокъ соли) и, промывъ его въ рапѣ (въ водѣ, остающейся послѣ осадка соли), сгрести соль въ кучи, насыпать въ мѣшки, отвезти на пристань и тамъ уложить ее въ правильные бугры. На эту работу ни одного русскаго не заманишь, — самая каторжная работа. Зачастую рабочимъ калмыкамъ приходится стоять по поясъ въ водѣ. Соль разъѣдаетъ тѣло, дѣлаются трещины, ссадины. Онъ весь, какъ